

Институт востоковедения РАН
Общество монголоведов РАН

ВЛАДИМИРЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Доклады Всероссийской научной конференции
(Москва, 16 ноября 2005 г.)

Москва

Институт востоковедения РАН
Общество монголоведов РАН

ВЛАДИМИРЦОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – V

Доклады Всероссийской научной конференции
(Москва, 16 ноября 2005 г.)

Москва
2006

14. Известия Калмыкии. 28.09.2004.

15. Захарова Г. Монгольские мотивы на калмыцкой земле. Культурный обмен // Известия Калмыкии. 28.09.2004.

ВОДА В МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ МОНГОЛОВ

Ю.И. Дробышев (Москва)

В засушливых областях Земли взаимоотношения людей с водной стихией складываются не так, как там, где влаги имеется в избытке. Это касается не только хозяйственных вопросов, но также духовной культуры народа, его мировоззрения. Роль воды многогранна. Монголы, как типичные обитатели степных аридных ландшафтов, выработали свои взгляды на воду и особые традиции ее использования, некоторые из которых непривычны для жителя Запада. Что такое вода для монгола?

1. В первую очередь, это водопой для скота, а скот – основа жизнеобеспечения кочевников. Маршруты кочевков обязательно включали водные источники, а зимой араты гнали стада в те места, где животные могли утолить жажду снегом. Если снега выпадало недостаточно, мог случиться черный *дзут* – массовая гибель скота от жажды. С другой стороны, избыток снега, а особенно твердый наст на нем, не позволял животным добраться до подножного корма, и тогда происходил падеж скота от голода – белый *дзут*. Там, где источников воды было мало, рыли колодцы, причем нередко делали это в честь какого-либо события, например рождения ребенка (1). При великом хане Угэдэе планировалось обводнить засушливую часть Монголии путем прорытия большого числа колодцев, но, к сожалению, неизвестно, удалось ли осуществить этот грандиозный план. Кроме того, вода – это естественное орошение пастбищ дождем или тающим снегом, где его накапливается за зиму достаточно много.

Хранителями и подателями воды считались *луусы* (от тиб. *klu*) – змееподобные мифические существа, обитающие на небе. Им приносили жертвы. Если кто-нибудь загрязнял реки, озера и родники или изменял русла рек, запруживал их, *луусы* приходили в ярость и наказывали виновного, насылая на него различные несчастья.

2. Для европейца нет абсолютно ничего удивительного в том, что люди используют воду для питья. Однако в монгольской кочевой культуре именно это прозаическое употребление воды не получило широкого распространения. Обычная чистая вода (*хара усун*) относилась к «черной пище»; ее нельзя было подавать гостю (2). Вероятных причин для этого две. Во-первых, если в юрте нечем больше утолить жажду гостя, кроме простой воды, то это говорит о нищете хозяев. Во-вто-

рых, в степях и особенно пустынях Монголии качество воды весьма низкое: она содержит растворенные соли и нередко загрязнена пасущимся скотом. Очищать и кипятить ее – дело хлопотное (3). Еще монголы средневековья, по свидетельству Рубрука, всегда старались пить молочные напитки и избегали воду: «Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды» (4), но, разумеется, в случае нужды они не брезговали ею. Так, в одном из писем, адресованных английскому королю Генриху III, о монголах сообщалось, что «пролитую кровь своих животных они пьют, как изысканный напиток. Когда нет крови, они жадно пьют мутную и даже грязную воду» (5). Что касается крови, то здесь верно подмечен монгольский обычай пить в военных походах кровь заводных лошадей, хотя это была скорее свежая калорийная пища, чем напиток. А сообщение о «жадном» употреблении монголами грязной воды могло родиться в атмосфере апокалиптических ожиданий, в которой жила Европа после вторжения монгольских отрядов в Венгрию и Польшу. В те годы кочевники представлялись христианскому миру в образе предвестников конца света и наделялись всевозможными нечеловеческими чертами.

3. Водоемы содержат источник дополнительного питания – рыбу. Нередко думают, что монголы никогда не ловили рыбу, но это не так. Конечно, имея в достатке скот и охотничьи трофеи, монголу незачем заниматься рыболовством. Оно, как правило, было уделом людей бедных, оставшихся без своих стад. Когда покинутая соплеменниками мать Тэмучжина Оэлун жила со своими детьми на Ононе, подрастающие сыновья, поклявшись прокормить ее, часто ходили ловить рыбу: ленка, хариуса, плотву. В качестве наживки они насаживали на крючки рыбешку, названную в «Сокровенном сказании» «негодной» (6). Не для того ли здесь речь идет о рыбе, чтобы подчеркнуть бедственное положение будущего объединителя Монголии?

В «Сокровенном сказании монголов» рыба и рыболовство упоминаются еще трижды. Среди меркитов были люди, промышлявшие рыбной ловлей (7). Посылая в 1205 г. Субэдэя преследовать сыновей Тохтоа-беки, Чингисхан сказал: «Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись сетью-неводом и ловя их?» (8). Наконец, предлагая себя в качестве выкупа духам за тяжело больного Угэдэя, Толуй говорит: «Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра» (9). Впрочем, представляется, что в словах Толуя заключено какое-то иносказание.

Рубрук утверждает, что «Татары не умеют ее ловить и не заботятся о рыбе, если она не настолько велика, что они могут есть ее мясо, как мясо барана» (10). Однако его самого угощали карпами в ставке Мункэ (11). В орде золотоордынского хана Берке на Итиле (Волге) послов египетского султана тоже угощали рыбой (12).

Немало фактов подтверждает устойчивое бытование рыболовства как подсобного промысла у монголов в средние века. Выбрав и проанализировав рыболовные термины и названия рыб из текста «Сокровенного сказания», В.И. Рассадин пришел к заключению, что «такое разнообразие терминов говорит о довольно развитом рыболовстве» (13). Аналогичный вывод сделан Б.З. Базаровой (14). В монгольских источниках, более поздних чем «Сокровенное сказание», тоже можно найти упоминания орудий рыбного промысла. В «Алтан тобчи» неоднократно встречаются сравнения тех или иных качеств человеческой личности и поступков людей с рыбами. Так, утешая покинутого родичами Тэмуджина, Мэнглик говорит ему: «Ты трепещешь, словно рыба таймень» (15). В данном случае не важно, произносил ли эти слова реальный Мэнглик в XII в.; предложенный летописцем образ замечательно изображает смятение юного Тэмуджина. Текст летописи не только подтверждает наблюдательность монголов, но и заставляет предполагать их более тесное знакомство с рыбами. Чего стоит, например, такое высказывание, приписываемое самому Чингисхану: «Если рассказать хотя бы немного о рыбе хариус, то много их надо самому поймать своими руками» (16). Если бы рыбная ловля не играла в жизни монголов сколько-нибудь заметной роли, она не вошла бы в поговорки. Например, в биографии Зая-пандиты приводится такая поговорка: «Не поймав рыбы, замутили воду» (17). Среди монгольских пословиц, переведенных на русский язык Б. Ринченом, есть следующая: «Упущенная рыба всегда большая» (18). Специалистам по монгольскому фольклору наверняка известны и другие примеры такого рода. По-видимому, исторически протекал процесс все большего вытеснения рыбной пищи из диеты монголов. Первоначально, когда предки монголов населяли таежные ландшафты и еще не были кочевниками, они, вероятно, широко употребляли рыбу (19), но по мере продвижения в Халху и освоения кочевого образа жизни, в основу своего рациона монголы положили мясные и молочные продукты. Позже, видимо, не без влияния тибетского буддизма, доля рыбных блюд сошла практически к нулю. Считалось, что рыба никогда не спит и постоянно наблюдает за злыми силами, а этого вполне достаточно для объявления ее священной. В казначействе Жамьян-шадбы, настоятеля монастыря Лавран в Амдо, хранилась как драгоценность «окаменелость, в виде рыбы, найденная в горах и тоже почитаемая буддистами священной, за свое непонятное и таинственное, в представлении кочевников, происхождение» (20). Кроме того, в Тибете, откуда буддийские идеи проникли в Монголию, рыбоедение не было популярным. Люди побогаче не ели рыбу вообще. В начале XX в. в Тибете существовало поверье о ядовитости местных рыб (21). Этнографы и путешественники в XIX–XX вв. уже констатировали не просто утрату монголами всякого интереса к рыбной пище, а даже отвращение к ней: «Заставить

обыкновенного рядового монгола съесть рыбу дело почти невозможное: у него к ней такое же неодолимо брезгливое отвращение, какое мы питаем, например, к змеям. Вместе с тем монгол не забывает, что рыба – живое существо, а уничтожение живых существ запрещено канонами религии» (22). После того как члены экспедиции «Центросоюза» (1919) рыбачили близ монастыря Эрдэни-Дзу, пришел лама и попросил больше не ловить здесь рыбу, так как убиение живых существ в реке может повредить ремонту моста через Орхон (23). Такое обещание было дано. «Но ни тогда, ни впоследствии, – недоумевает И. Майский, – я все-таки никак не мог понять, почему правоверные буддисты, считая дозволенным резать барана, усматривают великое прегрешение в ловле рыбы» (24). К.В. Вяткина полагает, что отказ монголов от употребления в пищу рыбы мотивировался древними тотемистическими традициями (25). Тотемы среди рыб у монгольских народов, действительно, зафиксированы – это пестрый налим (26), от которого, согласно легендам, ведут свое происхождение эхириты, и таймень – «родоначальник» куркутов и улаба (27). Но у халха-монголов, вероятнее всего, никакая рыба не считалась первопредком. С течением времени рыболовство угасло не во всем ареале монгольских народов. У бурят оно, видимо, никогда не пресекалось ни религиозными постановлениями, ни самими условиями жизни. Возможно, сказывалось и русское влияние. Бурятские рыболовные снасти имели своих духов-хозяев (28). Иногда монголам приходилось заниматься добычей рыбы под давлением обстоятельств. На Баграш-куле (Восточный Туркестан) местные калмыки прежде никогда не ловили и не ели рыбы, но, потеряв много скота из-за дунганского восстания, занялись рыболовством. Рыбу били острогой или забрасывали удочки с насаженной живой или мертвой рыбой в качестве приманки (29). В годы народной власти религиозная мотивация запрета на рыболовство была снята. Статья 9-я «Закона об охоте и рыбной ловле в Монгольской народной республике», принятого в 1933 г., гласит: «Рыбная ловля разрешается круглый год в реках и озерах на всех территории МНР. Запрещается рыбная ловля путем разбрасывания отравы и посредством взрывчатых веществ» (30). К настоящему времени употребление рыбы в пищу прочно вошло в быт многих монголов. Среди них есть немало искусных рыбаков, однако, встречаются и браконьеры, добывающие рыбу недозволенными средствами. Несмотря на значительные перемены в мировоззрении монголов, в нем не угасли окончательно отголоски анимизма и мистицизма. В частности, в сомоне Худэр (Селенгинский аймак) рассказывают о некоей «рыбе с человеческим лицом», обитающей в реках. Если ее поймать и не отпустить обратно, можно столкнуться с разными несчастьями: гибелью скота, тяжелой болезнью и т.п. Нам не приходилось видеть этой рыбы, но, судя по описанию, это может быть амурская широколобка (*захантахай загас*,

или по-латыни *Mesocottus haitej*) – вид, занесенный в Красную книгу Монголии. Так поверья помогают сохранять редкие виды монгольской фауны.

4. Вода всегда была нужна монгольским земледельцам. Там, где природно-климатические условия благоприятствовали земледелию (а оно всегда существовало в Центральной Азии), монгольские и тюркские народы не только полагались на дождь, но и создавали системы каналов для полива пашни. Интересно отметить, что нарушение земной поверхности пахотой или копанием чаще всего находилось в Монголии под запретом. Считалось, что это могло вызвать гнев местных духов-хозяев. В этом запрете, по-видимому, сильно тибетское влияние.

5. Вода, водоемы – неотъемлемая часть родной земли. Так, в известном «плаче» сунитского Кулугэтэй-багатура в «Алтан тобчи» упоминаются «родные ханские земли и воды», «священные ханские земли и воды» (31). Сакрализованная родина персонифицировалась в образе «хан гадзар-усун» («Государь земля-вода»), эквивалентном тюркскому *йер-су* (32). Уместно заметить, что реки своих кочевий представлялись монголам в несколько идеализированном виде, и в фольклоре они всегда чисты (33). На это обстоятельство, как полагают, указывает тот факт, что реки в средневековой Монголии имели эпитет «хара» – «черный», что могло означать «прозрачный до черноты» (34). Касаясь почитания водоемов монгольскими народами, отечественные этнологи и историки часто ссылаются на слова Г.Р. Галдановой, согласно которой «вода ценилась как источник жизни» и «считалась чистым существом» (35). В Монголии едва ли не каждый скажет, что реки издавна почитались и оберегались от загрязнения: нельзя было ни запруживать их, ни бросать в них отходы. Даже в 1970-е годы советских биологов, изучавших природу Монголии, предупреждали об этом. Несмотря на это, сильное загрязнение было при- сущее многим рекам Центральной Азии, протекавшим через обжитой ландшафт. То же самое можно сказать и о водопоях для скота. Совсем нередко и в старину, и в новое время вокруг колодцев в степи или пустыне можно было видеть грязь и даже павших животных. Возможно, эта небрежность в обращении с водопоями вынудила власти предусмотреть наказание для тех, кто их загрязняет. Одна из статей монгольского сборника законов XVI–XVII вв. гласит: «Если [кто] загрязнит воду, взять [с того] лошадь и корову. Свидетель берет корову» (36). В другом правовом документе – Уложении пятого Вачирай Тушету-хана сказано: «Если кто из озорства умышленно загрязнит воду, то взять с него трехлетних коня и корову» (37). Заслуживает внимания использование образа загрязненного скотом водоема в качестве метафоры. В беседе с Отчигином, отделившимся от Чингисхана, Тангудай Гоа Сэчэн сравнивает хана с озером: «Подобно солнцу, он не замедляет [движенья], подобно озеру, он смешивает [воды] в середине своей!» Поскольку Отчигин не нашел объяс-

нения этим словам, Гоа Сэчэн сказал: «В озеро вливаются хорошие и плохие воды. Если вода загрязняется от вошедшей для водопоя скотины, то озеро от этого не портится. Подобно тому и хан, когда слушает хорошие и плохие слова, когда слушает правду и ложь и не принимает слов подстрекательных, порождающих ссоры: если он слушает спокойно, то как может погибнуть великое государство?» (38).

В современной Монголии рыночные отношения подчас берут верх над исторической памятью. В горах Хэнтэя, в истоках рек, связанных с именем Чингисхана, активно добывают золото, и превращают речные поймы в подобие лунного ландшафта, через который пробивается ручеек – бывшая река. Речные русла в городах нередко загрязнены всевозможным бытовым мусором.

6. Вода, точнее реки, служили в средневековой Монголии средством казни. В представлениях монголов, нельзя проливать кровь знатных людей. Поэтому были изобретены бескровные способы казни, один из которых заключался в том, что виновного закатывали в войлок и бросали в реку. Поскольку это происходило на родных землях, в традиционной культуре считающихся сакральными, возникает вопрос, мог ли являться казненный по отношению к реке священной жертвой (ибо, как человек высокородный, он был носителем харизмы)? У бурят, напротив, мертвых даже нельзя было перевозить через реку, так как считалось, что она из-за этого может высохнуть (39).

В Тибете подобным образом казнили преступников. Трупы нищих, бедняков и бродяг тоже обычно бросали в реку (40). По мнению К.М. Герасимовой, «водное» погребение – добонское наследие Тибета (41). Можно ли видеть древнее тибетское влияние в обычае монголов бросать казнимых людей в водоемы, мы пока не беремся судить.

Во время захватнических войн XIII в. монголы нередко топили противников в реках и озерах, экономя свои силы и стрелы. Когда подобное происходит в чужих землях, осквернение воды могло и не рассматриваться как осквернение. Но подобные вещи имели место и в самой Монголии во время междоусобиц.

7. Реки использовались средневековыми монголами как средство взятия городов и крепостей, о чем в источниках содержится немало число свидетельств (42). Смотря по обстоятельствам, воду либо отводили от города, чтобы жажда заставила защитников сдаться, либо, напротив, запруживали реку и пускали ее на город.

8. Другое военное применение водной стихии было связано с магией. С помощью специального камня «яда» («джада») вызывали ненастье над головой противника: холодный дождь или снег. Видимо, впервые этот чудодейственный камень упоминается в «Истории династии Лян» Яо Сыляня, где речь идет о жуаньжуанях

(43). Говорится о нем и в «Сокровенном сказании»: «Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: "Видно, мы прогневали небеса"» (44). Есть основания полагать, что искусство вызывания ненастья бытовало, прежде всего, среди тюрков, в том числе и тех, которые служили в войсках у монголов.

9. Вода была также средством гигиены, однако, ее применение в этих целях отличалось своеобразием, удивлявшим впервые столкнувшихся с монголами европейцев. То, что средневековые монголы не мылись и не стирали белье в реках в летнее время, опасаясь удара молнии, достаточно широко известно, поэтому мы не приводим здесь соответствующих материалов, которые можно найти в сочинениях Джувейни, Рашид ад-Дина, Плано Карпини и Рубрука. Л.Л. Викторова видит в этом профилактику эпидемий, грозивших как людям, так и скоту: «Основной принцип в обращении с водой сводился к простой формуле: чистый и безопасный водопой для скота важнее, чем чистое платье его хозяина» (45). В наши дни заметно звучит социальная мотивировка. Живущие выше по течению реки говорят, что нельзя загрязнять речные воды стиркой и купанием, так как люди ниже по течению будут пить эту воду. Не забываются при этом и *луусы*, готовые покарать нарушителя старых запретов и традиций (46).

По нашему мнению, приведенные материалы не исчерпывают причин, заставлявших монголов в средние века блюсти чистоту рек или, точнее, преследовать тех, кто вел себя иначе. Заслуживает внимания точка зрения А.Г. Юрченко, объясняющего запрет на стирку и водные процедуры тем, что монголы боялись вредоносной магии, которая осуществлялась посредством намеренного загрязнения текущей воды. Небо реагировало на это грозowymi разрядами и убивало правых и виноватых, людей и скот, – словом, всех, кто оказывался в районе совершения святотатства. Поэтому запрет был кодифицирован в Великой Ясе, и за его нарушение полагалась смертная казнь. Экологические соображения, говоря современным языком, здесь ни при чем (47). Осторожность в обращении с водой вблизи ханской ставки соблюдалась не только в период гроз, но и зимой. Уже упоминавшихся выше египетских послов к Берке предупреждали «не есть снега и не мыть платья в орде, а если [уже] случится мыть его, то делать это тайком» (48).

Интересное поверье зафиксировано у другого кочевого народа – казахов: часто умываясь, человек приносит вред молодому скоту (49).

Посуду монголы мыли редко, а когда им надо было умыться, они набирали воду в рот и поливали себе на руки. Китайский источник донес до нас интересное

сообщение, говорящее в одной фразе как о весьма ограниченном использовании монголами в XIII в. воды в гигиенических целях, так и об употреблении ими рыбы: «По обычаю татары в большинстве случаев не моют рук, и [они] хватают рыбу или мясо [грязными руками]» (50). То, что представлялось китайскому послу варварством, на самом деле пример приспособленности людей к определенной среде и образу жизни. Кожа центрально-азиатских кочевников, как и некоторых других народов, например коренных жителей Севера, хорошо адаптирована к отсутствию водных процедур и не требует ежедневных умываний.

10. Вода могла быть лекарством. Минеральные и термальные источники – аршаны – привлекали к себе желающих получить исцеление. Сами аршаны и прилегающие к ним территории охранялись народной традицией от загрязнения и осквернения. Эта традиция жива и сегодня, но в условиях рыночной экономики она порой претерпевает своеобразные метаморфозы. Например, в нескольких километрах к югу от сомонного центра Дэлгэр-Хан (Хэнтэйский аймак) над минеральным источником Аураг фирма соорудила постройку, а воду вывела через трубу и шланг. Чтобы получить воду, нужно сначала заплатить известную сумму сторожу, чья юрта стоит неподалеку.

11. В так называемых традиционных обществах, к которым относятся и монголы средневековья (в определенной степени и нового времени), вода используется в различных ритуальных действиях. В знаменитом эпизоде из «Сокровенного сказания» Толуй пьет наговоренную шаманами воду, чтобы послужить выкупом за Угэдэя, на которого разгневанные духи наслали тяжелую болезнь (51). В другом случае, когда последний объединитель Монголии Даян-хан (1466–1543) пошел в Ордос покарать уйгура Ибарай-тайши и других убийц своего сына Абахая, двое его приближенных занялись гаданием. «“Жизнь Ибара – это огонь. Если залить огонь водой, то ведь будет хорошо!” – сказали они. Зажгли огонь, из серебряной чашки вылили на огонь воду» (52). Дело кончилось разгромом Ибарай-тайши и его сторонников.

По-видимому, в Монголии вода не применялась при произнесении клятв; для этой цели служила либо кровь, либо молоко, которое специально лили на землю (как известно, делать это в повседневной жизни было строго запрещено). Но, по крайней мере, однажды именно вода послужила своего рода ритуальным напитком, причем в этом качестве ее прославил сам Чингисхан. После битвы при Калаалджит-Элэте (53) в 1203 г. Чингисхан был вынужден отступить ввиду превосходящих сил кереитов Ван-хана. Как передает Рашид ад-Дин, «Когда он обратился вспять, большая часть войска покинула его, он же ушел в Балджиунэ. Это была местность, где было несколько маловодных родников, недостаточных для них и их

скота. Поэтому они выжимали воду из грязи и пили [ее]. ...Группа лиц, бывших в то время вместе с Чингиз-ханом в Балджиунэ, была немногочисленна. Их называют Балджиунту, т.е. они были с ним в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими» (54). Однако «Юань-ши» определенно говорит о ритуальном распитии мутной воды будущим великим завоевателем: «Когда дошли до реки Балчжуна, реки мутной и своенравной, государь напился от нее ради присяги народу» (55). В биографии мусульманского купца Джафар-ходжи, примкнувшего к Чингисхану как раз в этой местности, раскрывается символическое значение употребления именно мутной воды. Произнося клятву верности тем людям, кто остался с ним в этот трудный момент, Чингисхан говорит: «В случае если я совершу великое дело (56), то [я] буду со всеми этими людьми вместе – и в сладости, и в горечи. Если нарушу эти слова, то стану похожим на воду [Этой] реки!» (57) В немногочисленных дошедших до нас клятвенных обещаниях средневекового монгольского нобилитета повторяется сходная формулировка: потенциальный клятвопреступник уподобляется или порубленному лесу, или обрушенному берегу реки, или разрубленному пополам домашнему животному.

12. Наконец, вода могла осмысляться как один из первоэлементов, наряду с землей, огнем, воздухом и деревом. Учение о первоэлементах, из которых состоит все мироздание, распространилось в Монголии в буддийский период ее истории. Впрочем, очевидно, что метафизические спекуляции были уделом немногих высоко образованных лам, а простые араты воспринимали воду вполне конкретно.

Разумеется, в короткой статье мы не охватили весь спектр проблем, касающихся роли воды в материальной и духовной традиционной культуре монголов. Без внимания остались как некоторые «общечеловеческие» и не требующие специального обсуждения способы ее использования (например, приготовление с ее помощью пищи), так и ряд частных вопросов, а также ее отражение в языке монгольских народов (58). Происходящие в настоящее время глобальные климатические изменения могут увеличить сухость Центральной Азии, в связи с чем вода здесь может приобрести еще большую ценность, чем прежде, и не исключено, что монгольские народы выработают какие-то новые приемы ее рационального использования, а их духовная культура обогатится новыми образами и идеями.

1. Викторова Л.Л. Вода (дождь, река, источник и другие) в культурной традиции монголов // Кунсткамера: Этнографические тетради. Вып. 13. СПб., 2003, с. 183.
2. Цыбенова М.Д. Пища средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992, с.126.
3. Приношу свою благодарность Н.Л. Жуковской за консультацию по этому вопросу, а также по ряду других, затрагиваемых в настоящей статье.

4. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М., 1997, с. 96.
5. Цит. по: Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002, с. 38.
6. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.–Л., 1941, § 75.
7. Там же. § 109.
8. Там же. § 199.
9. Там же. § 272.
10. Гильом де Рубрук. Указ. соч., с. 108.
11. Там же, с. 144.
12. Тизенгаузен В.Г. Собрание материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884, с. 192, 193.
13. Рассадин В.И. Термины охоты и рыболовства в языке средневековых монголов // Средневековая культура монгольских народов. Новосибирск, 1992, с.106.
14. Базарова Б.З. Деятельность Тэмуджина по объединению монгольских племен // Монголоведные исследования. Вып. 4. Улан-Удэ, 2003, с. 66–67.
15. Лубсан Данзан. Алтан тобчи. Пер. Н.П. Шатиной. М., 1973, с. 70.
16. Там же, с. 191.
17. Раднабхадра. «Лунный свет»: История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи. Пер. Г.Н. Румянцев и А.Г. Сазыкина. Транслитер., предисл., коммент., указат. и примеч. А.Г. Сазыкина. СПб., 1999, с. 107.
18. Ринчен. Монгольские пословицы. Улаанбаатар, 1959, с. 10.
19. Водная фауна вошла и в монгольскую мифологию, причем, если в поздних мифах земля покоится на брюхе гигантского водяного животного – черепахи или лягушки, то более древний пласт воззрений содержит представление об огромной рыбе (Аврага Дзагасан), держащей землю на своей спине (Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992, с. 172–173).
20. Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.–Пг., 1923, с. 464.
21. Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Самара, 1996, с. 253, 339.
22. Майский И. Современная Монголия (Отчет Монгольской Экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Центрального Союза Потребительских обществ «Центросоюз»). Иркутск, 1921, с. 141.
23. Это отнюдь не единичный факт противодействия буддийского духовенства ловле рыбы. См.: Ширендыб Б. Некоторые вопросы истории земельных отношений в Монголии // История и культура востока Азии. Новосибирск, 1975, с. 234.
24. Майский И. Указ. соч., с. 141.
25. Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // Труды Ин-та этнографии, новая серия. Т. 60. М.–Л., 1960, с. 206.
26. Интересно сравнить с обычаем тувинцев-тоджинцев, которые, по словам Г.Е. Грумм-Гржимайло, рыбачили круглый год, но налима не ели, так как приписывали ему человеческое происхождение (Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. Описание природы этих стран. СПб., 1914, с. 57).

27. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987, с. 42.
28. Хангалов М.Н. Рыболовство у бурят и Ухан-хат // Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ, 1958, с. 115.
29. Роборовский В.И., Козлов П.К. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции // Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг. под начальством М.В. Певцова. Ч. III. СПб., 1896, с. 112.
30. Сборник законов, положений и основных постановлений, принятых в Монгольской Народной Республике за время с 1/VII 1932 до 1/VII 1933. Улан-Батор-Хото, 1933, с. 90.
31. Лубсан Данзан. Указ. соч., с. 241–242.
32. Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологический сборник – 1977. М., 1981. С. 200.
33. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980, с. 61.
34. Экологические традиции в культуре народов Центральной Азии. Под ред. Н.В. Абаева. Новосибирск, 1992, с. 49.
35. Галданова Г.Р. Указ. соч., с. 32–33.
36. Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Текст, транслит., пер. А.Д. Насилова. СПб., 2002, с. 44.
37. Халха Джирум. Памятник монгольского феодального права XVIII в. Текст и пер. Ц.Ж. Жамцарано. Редакция С.Д. Дылыкова. М., 1965, с. 81.
38. Лубсан Данзан. Указ. соч., с. 193–194.
39. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1982, с. 246.
40. Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги Страны снегов. М., 1975, с. 146, 160.
41. Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989, с. 176.
42. Чтобы не останавливаться на этом уже давно не новом сюжете, сошлемся на свою работу, где, в частности, собраны сведения о применении монголами рек в военных целях: Дробышев Ю.И. Некоторые аспекты отношения монголов к окружающей среде в эпоху завоеваний // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 9: HUNGARO-ROSSICA: История и культура евразийской степи. М., 2002, с. 69–75.
43. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Пер. В.С. Таскина. М., 1984, с. 290.
44. Козин С.А. Указ. соч. § 143.
45. Викторова Л.Л. Вода... С. 182.
46. Tsui Yenhu. A Comparative Study of the Attitudes of the Peoples of Pastoral Areas of Inner Asia towards their Environments // Culture and Environment in Inner Asia. Vol. 2: Society and Culture. Eds. C. Humphrey and D. Sneath. Cambridge, 1996, p. 10–13.
47. Юрченко А.Г. Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // Altaica VI. М., 2002, с. 168–179.
48. Тизенгаузен В.Г. Указ. соч., с. 193.
49. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989. С. 302.
50. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Пер. Н.Ц. Мункуева. М., 1975, с. 75.

51. Козин С.А. Указ. соч. § 272. В данном случае для нас не важно, умер ли Толуй в результате этой магической операции, был преднамеренно отравлен или же скончался от чрезмерного пристрастия к спиртному.
52. Лубсан Данзан. Указ. соч., с. 285.
53. Подробно эта битва рассматривается в работе: Дмитриев С.В. Элементы военной культуры монголов (на примере анализа сражения в местности Калаалджит-Элэт) // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004, с. 363–380.
54. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. Пер. О.И. Смирновой. М.–Л., 1952, с. 126.
55. Цит. по: Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005, с. 452.
56. Под «великим делом» в Китае понимался захват верховной власти.
57. Храпачевский Р.П. Указ. соч., с. 518.
58. Об этом см.: Скородумова Л.Г. Стихия воды в языковой картине мира монголов // Altaica IX. М., 2004, с. 165–172.

«ПАССИОНАРНАЯ» ХАРИЗМА ЧИНГИС-ХАНА В СВЕТЕ КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ТЕОРИЙ СТРАТЕГИИ

О.В. Зотов (Москва)

За семь лет я совершил великое дело,
и отныне во всех шести измерениях
пространства все подчинено единому закону
Чингис-хан (1)

Природа харизмы Чингис-хана довольно подробно описана в целом ряде работ. Но в них мы не найдем объяснений, как, почему и какие именно «шесть измерений» действительности подчиняются единому закону и почему харизма императора монголов имеет именно шесть «ступеней» восхождения; зачем, наконец, нужны личные усилия, если само Небо «пожаловало весь мир» Чингис-хану...

Стоит рассмотреть концепцию мироустроительной власти Чингис-хана в контексте учений Сунь-цзы бинцзя (военное учение), цзинцзи (теория «управления миром») Ли Гоу (2) и военных теорий средневековой Японии. С другой стороны, Россия располагает классическими работами военного востоковеда ген. А.Е.Снесарева, особенным образом выделившего роль Чингис-хана; китайско-русско-японский ракурс позволяет взглянуть в скрытую природу его харизмы. (По определению Гераклита, «тайная гармония лучше явной») (3).

Под харизмой понимается «Сакральность Лидера в качестве Обоснования его Власти» (4) [над Обществом] (здесь и далее реконструкции в квадратных скобках наши – О.З.). Это **СЛОВО** обладает сложным потенциалом и многообразными воз-